

Выдержки из Записной Книжки „Русскаго Архива“, замѣтки, выписки.

(Ревель, 11 Юля 1892. Отъ графа В. В. Адлерберга).

Отецъ его, графъ Владимiръ Фeдоровичъ Адлербергъ съ женою, двумя дочерьми и тремя сыновьями. до Ноября 1841 года (когда, съ отъѣздомъ въ Крымъ князя А. Н. Голицына, освободился большой домъ на Фонтанкѣ, тогда бывший почтоваго вѣдомства, а теперь министра двора) проживалъ на дворѣ Аничковскаго дворца, рядомъ съ такъ называемымъ Кабинетомъ, въ небольшихъ семи комнатахъ скромно убранныхъ, даже безъ чистаго хода. Лѣстница была одна съ кучерскою, облѣдѣнная зимою, лѣтомъ вонючая, такъ какъ находилась рядомъ съ отхожими мѣстами. Однажды Адлербергъ заболѣлъ, и Николай Павловичъ, пріѣхавшій навѣстить его, поразился убожествомъ и неудобствомъ этого входа. Онъ призвалъ смотрителя дворца, разобралъ его и много кричалъ. Тѣ же дни все приведено было въ наилучшій видъ, который и длился, пока Адлербергъ былъ боленъ и Государь ежедневно къ нему приходилъ изъ Аничкова дворца. За тѣмъ и сыновья успѣли выгостить, и дочери стали невѣстами, а другъ царевъ, никогда о себѣ ничего не просившій, продолжалъ жить въ самой мизерной обстановкѣ. Государь, любившій его сердечно, ни разу не обратилъ на то вниманія. Одна изъ дочерей графа Адлерберга, Анна Владимировна Новицкая, сказывала мнѣ, что въ это помѣщеніе нерѣдко запросто прихаживала къ ея родителямъ Императрица Александра Фeдоровна. Однажды съ ея приходомъ принесли (чуть ли еще груднаго) ея первенца и посадили его на разостланномъ полу; на тотъ же коверъ былъ посаженъ и его ровесникъ первенецъ Адлерберговъ. Цесаревичу дали кусокъ бѣлаго хлѣба. Покушавъ, онъ потянулся съ нимъ къ первенцу Адлербергу. Вотъ бы нарисовать, какъ пророческую картинку. Предшественникъ графа Адлерберга по должности министра двора, князь П. М. Волконскій, le Prince Non (Князь-Нѣтъ), какъ его звалъ самъ царь за его скупость на казенныя траты и деньги, держалъ дворцовое внутреннее управленіе въ небреженіи, но только лишь по внѣшности. Бережливость соблюдалась до 1881 года; преемникъ отца, графъ Александръ Владимировичъ, сдавая должность, представилъ свыше 50 милліоновъ сбереженія.

Однажды гр. В. В. Адлербергъ ѣздилъ съ Канкринымъ и княземъ Павломъ Павловичемъ Голицынымъ въ Ораніенбаумъ осмотрѣть лѣтнія помѣщенія. По возвращеніи двое послѣдніе посажены были подъ арестъ на полтора мѣсяца за то, что на заставѣ не росписались.

Въ 1849 г., отправляя конный полкъ на Венгерскій полкъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ постоянно гнѣвался за самые пустяки, выходилъ изъ себя и приводилъ въ отчаяніе и солдатъ, и офицеровъ. Между солдатами былъ нескрываемый ропотъ. Это было мѣсяца за три до кончины Великаго Князя. Рыжій, сутуловатый, весь красный, съ огромнымъ загривкомъ, онъ производилъ очень непріятное впечатлѣніе.

Въ послѣдніе годы царствованія Николая Павловича

Только тотъ одинъ
Кто всѣхъ собой давилъ.
Свободно, и дышалъ,
И дѣйствовалъ, и жилъ.

какъ выразился о томъ времени зло-желательный полу-Полякъ Некрасовъ. Но еще много раньше, въ 1834 году, Пушкинъ писалъ въ своемъ „Памятникѣ“: ...въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу.

Эта невѣроятная для нашихъ дней муштра—принадлежность Нѣмецкихъ князей и Нѣмецкой власти, ненавистная Екатеринѣ Великой. Генеалогію надо искать въ Штутгардѣ и Людвиглюстѣ, въ предкахъ четырехъ братьевъ, отъ которыхъ столько Русскихъ людей пострадало изъ-за кантиковъ, выправокъ, окраски будокъ, ровненія шаговъ и пр.

По кончинѣ Михаила Павловича, преемникъ его, т. е. Александръ Николаевичъ, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, но много мягче.

Графъ Василій Владим., нынѣ слѣпой, служилъ 12 лѣтъ въ конной гвардіи (1846—1855). Онъ помнитъ, какъ въ 1852 г. въ Гатчинѣ торжествовали открытіе памятника Императору Павлу. Покровы сняли, но веревка оставалась на шеѣ статуи, и у державнаго сына отъ этого показались слезы. Всѣхъ поразило это чудесное напоминаніе. Знаменательная случайность произошла и на пробномъ открытіи, куда допущены были немногія лица, и на торжественномъ, когда у подножія памятника Государь поставилъ съ барабаномъ своего отрока-внука, будущаго Александра III-го, находя, что онъ похожъ лицомъ на Императора Павла, что кажется намъ невѣрно: сходство было скорѣе съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.

Любопытно, что, по словамъ графа В. В. Адлерберга и другихъ, солдаты между собою, называли Николая Павловича: *Карлъ Ивановичъ*.

Конная гвардія стояла въ какомъ-то Польскомъ городкѣ, когда скончался Михаилъ Павловичъ. Собрались въ церковь. Священникъ сказалъ проповѣдь съ пышными фразами. Солдаты хмурились, а потомъ

на площади. когда полковой командиръ объявлялъ, что незабвенный отецъ и благодѣтель. который незамѣнимъ для полка, замѣщенъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ полку громко осуждали. Личныя благодѣянія Великаго Князя, негласныя пенсіи, уплата долговъ, щедрыя пособія, больше относились къ офицерамъ. Но сихъ послѣднихъ донималъ швейцаръ великаго князя, ссужая ихъ деньгами за страшные проценты. Однажды задолжалъ ему будущій фельдмаршалъ князь Барятинскій. Покойный Соболевскій, славившійся опытностью въ счетахъ п денежныхъ дѣлахъ, сказывалъ мнѣ, что однажды Пушкинъ просилъ его принять участіе въ нелѣпомъ положеніи молодого красавца и помочь ему разобраться въ поддѣланныхъ деньгахъ, т. е. скупить его векселя ниже того, чтò на нихъ написано, и усовѣстить взаимодавцевъ. Соболевскій съ Пушкинымъ пошли къ задолжавшему молодцу: у него оставались только богатые ковры, а вся обстановка роскошнаго помѣщенія увезена заложенная. Это былъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Онъ и вѣкъ свой всего менѣе думалъ о деньгахъ.

*

Въ VIII-й главѣ своего знаменитаго сочиненія *Contract Social Russo* пишетъ о Петрѣ Великомъ: у Петра былъ геній подражательности, но генія настоящаго не было въ немъ. Иныя изъ его дѣлъ хороши, но большинство ихъ совершенно не кстати (*déplacées*). Ему хотѣлось создать Нѣмцевъ, Англичанъ, тогда какъ слѣдовало созидать Русскихъ. Онъ навсегда помѣшалъ имъ быть тѣмъ, чѣмъ они могли сдѣлаться. Онъ внушилъ имъ, что они тò чѣмъ они не суть.

Къ стр. 159-й первой книги сего года „Русскаго Архива“. Въ ненастную пору, къ почтовой станціи въ городѣ Торжкѣ подѣхалъ императоръ Николай Павловичъ, выразивъ намѣреніе покушать. Смышленая повариха, рослая и красивая, смекнула, что ему нельзя выдти изъ коляски, не загрязнивъ ногъ. Она тотчасъ сбросила съ себя нарядное верхнее платье и разостлала передъ крыльцомъ. Государю это понравилось, и онъ похвалилъ не только ее, но и ея куринныя котлеты, которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались извѣстны по всей Россіи. Повариха переѣхала въ Петербургъ, гдѣ съ успѣхомъ торговала.

На той же стр. упомянуто о Г. И. Тумачевскомъ. Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ людей, какихъ я зналъ на моемъ вѣку, образованный, въ обращеніи изящный, высоко-нравственный. Онъ былъ совершенно преданъ князьямъ Воронцовымъ и пользовался полнымъ ихъ довѣріемъ. Помню, какъ бывало, работая надъ Воронцовскимъ архивомъ, жилъ я одинъ въ Одессѣ, въ великолѣпномъ приморскомъ дворцѣ (который, къ моему прискорбію, нынѣ занятъ Гимназіей, гдѣ большинство учениковъ Евреи), въ безсонныя ночи, видалъ я на обширномъ дворѣ, куда выходили мои окна, чью-то тѣнь. Это Григорій Ивановичъ выходилъ изъ своего скромнаго помѣщенія смотрѣть, все ли благополучно. Князь Семенъ Михайловичъ сказывалъ мнѣ,

что Тумачевскій—сынъ графа Сень-При, бывшаго князю Михаилу Семеновичу сослуживцемъ и другомъ.

*

Князь П. А. Вяземскій про и чиновниковъ: „Это тля, точащая порфиру“.

Графиня Фоссъ подъ 24 Февраля 1813 г.: Ich höre dass man mit Staffetten vorsichtig sein muss: General Benkendorf soll in Munchenberg, wo er sich befindet, alle Briefe öffnen, die er auffangen kann, т. е. Я слышала, что нужно быть осмотрительной съ письмами; генералъ Бенкендорфъ, говорятъ, вскрываетъ въ Мюнхенбергѣ, гдѣ онъ сейчасъ находится, всѣ письма, которыя онъ только можетъ перехватить.

Графъ Александръ Христофоровичъ, будущій начальникъ III-го Отдѣленія Государевой Канцеляріи, вѣдавшей секретныя дѣла, обучился соглядатайству отъ Спренгпортена, который убѣдилъ императрицу Марію Ѳедоровну, въ первые мѣсяцы царствованія Александра Павловича, что такъ какъ молодой Государь совсѣмъ не знаетъ Россіи, то необходимо составить для него подробное донесеніе о томъ что внутри ея дѣлается, и предложилъ для того себя. Получено царское согласіе. Марія Ѳедоровна отдала ему въ спутники юношу Бенкендорфа, сына ея умершей пріятельницы. Они объѣхали большое пространство (до Тобольска). Донесенія Спренгпортена должны храниться въ Государственномъ Архивѣ.

*

Въ 1866 году, когда М. Н. Муравьеву, возвратившемуся въ Петербургъ съ Виленскаго генераль-губернаторства было поручено слѣдствіе по дѣлу Каракозова, Англійскій Клубъ давалъ ему обѣдъ въ помѣщеніи своемъ на Фонтанкѣ. Даже Валуевъ сказалъ ему тогда фразистую свою рѣчь. Послѣ обѣда Муравьевъ ушелъ на балконъ и закурилъ трубку. Подлѣ него сидѣлъ баронъ Дельвигъ, и окружало его нѣсколько чело-вѣкъ. Явился Некрасовъ и попросилъ позволенія прочитать хвалебные свои стихи. Они были произнесены, и провозглашено „здоровье миротворца края“. „Ваше сіятельство, позвольте мнѣ эти стихи напечатать?“—„Это ваша собственность, и вы можете располагать ею по произволу“.—„Но я бы просилъ вашего совѣта“.—„Въ такомъ случаѣ, не совѣтую“. Баронъ А. И. Дельвигъ говорилъ мнѣ, что положеніе Некрасова было прежалкое, такъ что и присутствовать при этой сценѣ было непріятно.

*

Барытынскій, отличный мастеръ Русскаго стиха, не твердъ былъ въ правописаніи и за поправками иногда обращался къ Алексѣю Андреевичу Елагину, пасынокъ котораго И. В. Кирѣевскій былъ съ нимъ очень друженъ. Слышано отъ Сергѣя Ивановича Кирѣевскаго.

С. И. Кирѣвскій дѣлаеть поправку къ стихотворенію Хомякова о чтеніи Евангелія. Слова *близь потока* тутъ только для риѣмы, Кирѣвскій предлагаетъ измѣнить такъ.

Въ часъ полночный, свое око
Устреми на небеса.

*

Извѣстная Нѣмецкая пословица, которою Нѣмцы оправдываютъ свою привычку къ раннему утреннему вставанью: *Morgen Stunde—Gold im Munde.* (Утренній часъ—золото во рту). Намъ кажется ея объясненіе таково: у Нѣмцевъ въ старину, такъ же какъ и у насъ до сихъ поръ по мѣстамъ, работникъ, получивъ плату за свой трудъ, клалъ ее себѣ за щеку за неимѣніемъ другого мѣста для бережи. Кто рано вставалъ, тому мечталось за щеку положить монету золотую.

*

17 Декабря 1837 года сгорѣлъ Зимній дворецъ. На житье въ него изъ Лѣтняго дворца (бывшаго на мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго замка) перешелъ Петръ III-й, на Страстной недѣлѣ 1762 года и устроилъ въ верхнемъ этажѣ для себя Лютеранскую кирку. При Екатеринѣ туда переведена аптека. Пожаръ 1837 года начался въ этомъ помѣщеніи придворной аптеки. Вечеромъ къ дежурному гофмедику (впослѣдствіи лейб-медику) Э. Н. Рейнгольду вбѣжалъ въ помѣщеніе дежурства, дрожа всѣмъ тѣломъ, аптекарскій ученикъ Нѣмецъ, страшный заика, не заикавшійся только когда пѣлъ. (Обладавшему прекраснымъ, обработаннымъ голосомъ и музыкальной памятью. пѣніе отлично ему удавалось). По блѣдному испуганному лицу ученика было видно, что онъ хотѣлъ сообщить что-то особо-важное и зловѣщее, но кромѣ неопредѣленныхъ звуковъ, ужасныхъ гримасъ и отчаянныхъ жестовъ ничего не выходило. Всѣ увѣщанія и даже репрессивныя мѣры, предпринимаемыя гофмедикомъ, чтобы возвратить оторопѣвшему Нѣмчику языкъ, оказывались тщетными. Тогда Эмилій Ивановичъ, вспомнивъ про его музыкальный талантъ, закричалъ надъ его ухомъ: „Wenn du nicht sprechen kannst, singe doch, verfluchter Kerl“¹⁾). Это помогло; бѣдняга мигомъ оправился, сталъ въ театральную позу, приложилъ руку къ сердцу, а другою указывая на дверь, запѣлъ (на голосъ недавно появившейся и производившей тогда фуроръ въ Петербургѣ оперы Мейербергера „Робертъ Дьяволь“): *Spiritus ist entbrannt, Alles steht in Flammen!*²⁾.

Рейнгольдъ догадался, въ чемъ дѣло и, слѣдуя за нимъ, побѣжалъ въ аптеку, находившуюся въ концѣ длиннаго корридора, довольно далеко отъ дежурной докторской комнаты, какъ разъ надъ заложу Петра

¹⁾ Коль скоро не можешь говорить, такъ пой же, проклятый.

²⁾ Спиртъ загорѣлся, все въ пламени.

Великаго, гдѣ еще наканунѣ дежурные дворцовые гренадеры слышали, впрочемъ не обративъ на это особаго вниманія, запахъ гари.

Аптечное помѣщеніе было все въ пламени, проникнуть въ него было невозможно, почти тотчасъ полъ его провалился, обрушился на потолокъ Петровскаго зала, разомъ вспыхнувшего, и огонь съ неудержимой силою разлился по всему дворцу; дворецъ черезъ нѣсколько часовъ чуть ли не до тла сгорѣлъ. По истинѣ съ чудодѣйственной быстротой онъ, съ небольшимъ черезъ годъ, былъ возобновленъ графомъ П. А. Клейнмихелемъ*). Слышано отъ графа А. В. Олсуфьева, а имъ отъ самого гофмедика Рейнгольда.

*

Человѣкъ усиливается посредствомъ памятниковъ создать себѣ на землѣ безсмертіе, которое не умѣлъ готоваго сохранить въ раю. Время, какъ будто изъ жалости, нѣсколько медлитъ, но потомъ сіе самодѣльное безсмертіе погребаетъ въ развалинахъ. (Филаретъ, послѣднее изданіе его „Словъ“, IV, 567.)

Премудрый сынъ Сираховъ приписываетъ милостынѣ достоинство жертвы и богослуженія. „Творяй милостыню, аки жряй жертву хваленія“ (Сир. XXXV, 2). Но приношеніе Богу должно быть чисто не только отъ гнѣсности, но и отъ низости. „Да не принесеши, говорить законъ, цѣны песей въ домъ Господа Бога твоего“ (Втор. XXIII, 18). Посему можно судить, какъ нужно заботиться о томъ, чтобы подаваемое въ милостыню было почерпнуто изъ чистаго источника.

При семъ приходитъ на мысль спросить, очень ли хорошо поступаютъ, когда говорятъ: дай деньги на зрѣлище, или на другое суетное увеселеніе; половина ихъ издержится для твоего удовольствія, а другая обратится въ милостыню. Чтѣ тутъ будетъ? Милостыня ли очиститъ суету, или суета лишитъ чистоты милостыню? Найдется ли на сіе отвѣтъ, который былъ бы пріятнѣе вопроса? Но, конечно, не подлежитъ сомнѣнію то, что, если бы назначаемыя на благотворительное увеселеніе деньги, съ устраненіемъ увеселенія и на него издержекъ, сполна были отданы на милостыню: то милостыня была бы вдвое больше, несравненно чище. Апостоль учитъ насъ плакать съ плачущими (Рим. XII, 15), а не ликовать съ мыслью о несчастныхъ, и не переполнять чашу веселія, чтобы дрожіе досталось плачущимъ.

Надѣюсь, впрочемъ, что никто не оскорбится нашею заботою, чтобы избрѣтательное искусство благотворительности, доброе въ намѣреніи, сколь можно больше имѣло достоинства въ средствахъ и способахъ дѣйствованія.

(Филаретъ, тамъ же IV, 597.)

*) Въ графскомъ гербѣ генераль-адъютанта П. А. Клейнмихеля, въ день освященія Зимняго дворца, помѣщены были, по высочайшему повелѣнію слова: „Усердіе все превозмогаетъ“.